

НИЛЬС КРИСТИ

**ЧЕЛОВЕК
ПРЕСТУПНЫЙ**
КЛАССИКА
КРИМИНАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

**БЕС
ЧЕЛО
ВЕЧ
НО**

GERMANSCHE

PRE

**ПСИХОЛОГИЯ ОХРАННИКОВ
КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ**

Нильс Кристи
Бесчеловечно.

**Психология охранников
концентрационных лагерей**

Серия «Человек преступный.

Классика криминальной психологии»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70286263

ISBN 978-5-907363-43-4

Аннотация

Что делает обычного человека изувером и убийцей?

В 1942 году нацисты отправили около 4,5 тысяч югославских заключенных в концентрационные лагеря в Северной Норвегии. Когда война закончилась, в живых оставалась лишь одна треть. Многие ужасы концентрационных лагерей стали общеизвестны. Обнаружились непостижимые вещи. пытки. Массовое уничтожение людей. Охранниками в этих лагерях служили не только немцы-нацисты, но и обычные норвежцы. После войны некоторые были осуждены за жестокое обращение и убийство заключенных. Как это оказалось возможным? Может быть, эти люди были психически ненормальными, монстрами? Или это результат действия ненормальных социальных систем

и отношений? Как пенитенциарная система меняет психологию преступника? Что происходит с психикой надзирателя? И почему мы спокойно за этим наблюдаем?

Профессор Нильс Кристи, член Академии наук Норвегии и член Шведской Королевской Академии наук – крупнейший современный криминолог, широко известный мировому научному сообществу. Многие годы Н. Кристи был директором норвежского Института криминологии и уголовного права, президентом Скандинавского Совета по криминологии.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Суровость наказания в историческом аспекте	8
Введение	8
Глава 1. Некоторые сведения из истории уголовного права Норвегии	11
Глава 2. Аналогия с экономикой	15
Глава 3. Альтернативные объяснения	22
Глава 4. Сравнительные данные по Скандинавским странам	26
Глава 5. Перспективы на будущее	31
Часть I. Охранники концентрационных лагерей	34
От редактора	34
Предисловие автора к переизданию	36
Из авторского предисловия к первому изданию	39
Введение	41
Глава 1. Концентрационные лагеря	45
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Нильс Кристи Бесчеловечно.

Психология охранников концентрационных лагерей

«Все они были коммунистами. Грязные свиньи, вот они кто. Я и сам сидел в тюрьме, но мы старались следить за собой, поддерживать чистоту. А за этими следом идти невозможно было, так от них воняло. Я всё время старался идти сбоку. Отвратительное сборище. Естественно, это, может, от изнурения. Ну уж умыться-то по крайней мере можно, ведь в лагере был водопровод. Конечно, исключения тоже были».

* * *

«С чистоплотностью дела обстояли плохо, но заключенных нельзя в этом винить. Они ведь в одних и тех же лохмотьях ходили, да и жили в тесноте.

– И норвежцы?

– Да, точно так же. Так что сербов винить не в чем.

– Но ведь у них же был водопровод?

– Триста человек в таком маленьком лагере, и постоянно в одних и тех же лохмотьях. Тут уж ничем не поможешь. И они были совершенно измотаны после

дорожных работ целыми днями, да и отчаялись уже. В таком положении, где уж чистоту поддерживать».

* * *

«До них все очень медленно доходит, как до жирафа. Анекдот приходилось два-три раза рассказывать. Соображают гораздо хуже норвежцев и шведов. Итальянцы чуть смекалистее сербов, но большой разницы, я думаю, нет».

* * *

«Угрызения совести были им совершенно чужды. Они хоронили своих товарищей, сбрасывая тело с тачки в яму. Потом Бесманн спрыгивал вниз и укладывал трупы в ряд, хватая их за половые органы. Потом он открывал им рты и выбивал золотые зубы, отрезал пальцы, если не мог снять с них золотые кольца. Когда его застрелили, у него нашли два килограмма золота. Я сам этот мешок доставлял в Осло курьерской почтой. Все поступали бы так же, как он, если бы у них была такая возможность».

* * *

«Положиться на них? Конечно, нет. Если мы им говорили, что они должны хорошо работать и ставили

кого-то в пример, то они этого человека избивали».

* * *

«С точки зрения гигиены, просто ужас. Юноша и жестянщик всегда были выбриты, и руки у них были чистые, остальные были грязные. Они просто не хотели мыться, как говорил юноша. Раса у них такая... У них культура такая. Возьмем норвежских босяков, летом можно видеть, как они на берегу залива в лошадином корыте с водой бреются. Здесь не условия важны, а раса. Нордическая раса чистоплотнее других».

Из воспоминаний охранников концентрационных лагерей в Норвегии

Суровость наказания в историческом аспекте

Введение

Историю уголовного наказания обычно изображают как ряд прогрессивных шагов, направленных на его постепенную гуманизацию. Отмена смертной казни, пыток и членовредительства, отказ от цепей и других мер, причиняющих физические страдания, все это может, конечно, рассматриваться именно в таком свете, равно как сокращение случаев назначения одиночного заключения и вообще приговоров к лишению свободы, отбываемому в тюрьме. Мы пришли к более мягкой системе уголовных наказаний. Быть может, мы стали добрее. Хотелось бы так думать. Это, несомненно, помогло бы в борьбе за новые реформы. Тем не менее, исходя из целей исследования, отнюдь не ясно, не является ли подход, свободный от заранее принятых, оценок, более эффективным.

В историческом плане трудно, если это вообще возможно, определить, какое наказание наиболее гуманно. В крайних случаях можно с некоторой долей уверенности утверждать, что то или другое конкретное наказание, применяв-

шеся в одном столетии, мягче другого конкретного наказания, применявшегося в другом столетии. Жизнь всегда была самым большим благом, которого можно лишиться. Но было ли это благо всегда одинаково большим? В большинстве случаев правильное сравнение должно выглядеть так: являлось ли в 1703 г., учитывая представления того времени, отсечение пальцев более суровым наказанием, чем X лет тюремного заключения в 1827 г. (также с учетом представлений того времени) или, соответственно, У крон штрафа в 1967 г.

Более плодотворным, и в большей степени отвечающим требованиям нормальной научной процедуры, было бы использование модели, которая не содержит никаких предположений относительно прогресса в деле гуманизации уголовного наказания. В таком случае борьба за уголовно-правовые реформы может трактоваться как ряд усилий, направленных на то, чтобы привести уголовное наказание в соответствие с ценностями, которые в каждую конкретную эпоху политически влиятельные круги данного общества считают основными. Ценности со временем меняются, и не следует заранее строить какие-либо предположения относительно усиления либо ослабления гуманистического начала. В педологии, как и в экономике, ценности, по-видимому, представляют собой переменные эмпирического характера. Наказание есть причинение зла и, соответственно, это есть лишение благ. Таким образом, изучение карательной практики дает весьма убедительную информацию относительно того,

что считается желательным, а что нежелательным. Изучение карательной практики обнаруживает также, какие ценности имеют преобладающее значение в ту или иную эпоху для тех, кто располагает реальной властью в том или ином обществе.

Глава 1. Некоторые сведения из истории уголовного права Норвегии

Для того чтобы составить конкретное представление по вопросу, являющемуся предметом нашего рассмотрения, целесообразно кратко остановиться на истории уголовного права Норвегии.

Уголовное наказание в XVII и XVIII веках в основном сводилось к причинению физической боли и завершалось смертной казнью. В королевском указе от 16 октября 1697 г. «О наказании отвратительных убийц» устанавливалось, что палач должен без милосердия пытаться виновного раскаленными щипцами сначала возле дома или иного места, где было совершено убийство, затем, если это происходило в торговом городе, на всех городских рынках и во всех общественных местах, а если в деревне, то трижды между местом преступления и местом казни и, наконец, на месте казни. После этого отсекалась топором правая рука, а затем голова виновного. Для еще более отвратительных убийц предусматривались еще более суровое наказание. Смертная казнь назначалась также за изгнание плода, кровосмешение, разбой, подделку денег и поджог с намерением совершить убийство.

За крупную кражу, то есть за кражу лошади или коровы либо чего-нибудь другого стоимостью в 20 мер серебра, наказанием за впервые совершенное преступление были порка

и выжигание клейма «вор» на лбу, а за повторное преступление пожизненная каторга в кандалах. За мелкую кражу, совершенную в четвертый раз, назначались порка, клеймение и пожизненная каторга. Если кто-либо разбил кандалы и бежал из тюрьмы, а затем совершил кражу, то он в любом случае должен был быть казнен через повешение.

Но к концу XVIII века в силу разных причин власти стали все чаще избегать применения описанных телесных наказаний. Сначала они с этой целью прибегали к помилованию. Уголовные преступники в порядке помилования освобождались от увечающих наказаний и смертной казни и вместо этого помещались в крепости. Но помилование было сложной процедурой и к тому же могло создавать трудности в том плане, что помилованный понимал его по-своему. Некоторые преступники отказывались от помилования, предполагавшего лишение свободы. Настаивая на применении увечающих наказаний, наказания, которые власти во все большей степени считали неприемлемыми, осужденные могли избежать и длительного тюремного заключения, и физических страданий. Законодательный комитет, отменивший в 1815 г. увечащие наказания, сформулировал проблему следующим образом: «Вполне может случиться, что уголовный преступник, предполагая, что Корона не желает применять увечащие наказания, может злоупотребить этим, дабы добиться для себя большего снисхождения, чем то, которое соответствует требованиям безопасности общества. Это последнее

обстоятельство делает настоятельно необходимым, чтобы такие наказания были отменены безотлагательно» (Парламентские отчеты за 1815 г., т. I, с. 218).

Порядок пересчета физических мук в годы лишения свободы был определен Законом от 15 октября 1815 г.: «Когда действующий в настоящее время закон предусматривает в случае совершения преступления отсечение двух пальцев, суд должен в будущем назначать виновному пожизненное тюремное заключение; вместо отсечения руки тюремное заключение сроком 10 лет; вместо пробивания и расщепления руки? тюремное заключение сроком в 2 года; вместо пробивания руки один год тюрьмы».

Переход от причинения физических страданий к лишению свободы породил, однако, новые проблемы. Прежде всего это привело к перегрузке тюремной системы. Тюремное заключение, являвшееся прежде одной из многих мер карательного воздействия, теперь стало главным средством решения проблемы преступности. Пенитенциарии и другие учреждения для исполнения наказания оказались переполненными. С 1814 по 1843 г. среднеедневное число заключенных увеличилось с 550 до 2325, или от 61 человека до 179 человек в расчете на сто тысяч населения; иными словами, за тридцать лет оно утроилось.

Но снова произошло нечто такое, что оказало влияние на норвежское общество. Целая серия поправок к уголовному законодательству, принятых за период с 1842 г. до конца сто-

летия, была направлена на сокращение сроков тюремного заключения либо на полный отказ от него. От пика, которого достигло число заключенных в 1843 г., Норвегия через 60 лет пришла к уровню 1814 г. С тех пор в Норвегии сохраняется приблизительно одно и то же число заключенных.

Глава 2. Аналогия с экономикой

Позвольте мне провести некоторую аналогию с экономикой, которая поможет глубже понять изменения, происходящие с наказанием.

Стоимость денег уменьшается либо увеличивается в результате инфляции, либо дефляции. Но то же самое происходит и с карательным воздействием или ценой различных видов наказания. Когда ценность существования, свободного от физической боли, увеличивается, вследствие повышения общественной гигиены, улучшения медицинского обслуживания, распространения анестезии, то, вероятно, для искупления того же самого преступления можно причинить несколько меньше боли. Когда увеличивается ценность человеческой жизни, мы реже платим жизнью за то же самое преступление. И поскольку жизнь и смерть представляют собой дихотомию, которая в шкале наказаний отражается неадекватно, преступления, совершение которых карается смертной казнью, должны быть соответственно тяжелее, когда ценность жизни возрастает. Если повседневное существование характеризуется большей защищенностью от нужды, большим досугом, большими возможностями для саморазвития личности, то тогда совершение тех же самых преступлений может быть искуплено меньшей степенью лишения этих благ. Карательное воздействие одного дня в тюрь-

ме увеличивается. Но, с другой стороны, когда цепа денег падает, для возмещения тех же самых преступлений следует платить штраф большого размера.

Еще одну аналогию такого рода можно провести между условиями, существующими в сфере экономики, и условиями функционирования судебной системы. В судебной системе участвующие стороны, преступники и, скажем, судьи также не всегда согласны в оценке различных видов наказания. Для лица, приговоренного к смертной казни, жизнь, вероятно, значит больше, чем для тех, кто находится на безопасном расстоянии от смерти. Это утверждение справедливо и в отношении той жизни, которая протекает в условиях крайнего однообразия и скудости. Вместе с тем существуют некоторые признаки того, что то, кто претерпевает соответствующее наказания, придают меньше значения физическим страданиям, чем те, кто эти наказания назначает. Отдельные преступники предпочли бы порку пребыванию в хорошо оборудованной тюрьме. Есть и такие, которые предпочли бы порку даже психотерапии. Но снова точно так же, как в сфере торговли, это не только вопрос рационального взвешивания величины страданий, причиняемых различными видами наказания. Некоторые из этих видов приобрели такую цену, что их больше нельзя применять. Как нельзя торговать священными предметами. Жизнь и физическая неприкосновенность в определенные периоды и при определенных обстоятельствах приобретают такое значение, что это делает невоз-

возможным использовать в качестве наказания лишение жизни или пытку. Даже разнообразная пища и удобная постель могут приобрести такую ценность, что хлеб, вода и жесткая койка не смогут использоваться в качестве альтернативы лишению свободы.

Однако в одном важном пункте аналогия с экономикой невозможна. Причинение боли представляет собой, конечно, более автократическое занятие, нежели торговля в условиях рыночной экономики. Уголовному преступнику иногда удается осуществить небольшие маневры с целью изменить условия обмена в свою пользу, но мы видели на примере 1815 г., что такого рода возможности быстро перекрываются поправками, вносимыми законодателем. Если назначение наказания может, таким образом, рассматриваться как разновидность обмена, то это такая разновидность, при которой одна из сторон контролирует процесс путем назначения надлежащей цены. Решающее значение при этом имеют представления законодателей и судей о том, какая цена является разумной. Здесь открываются большие возможности для изучения совпадений либо расхождений между мнениями противоположных сторон по поводу сделки, то есть по поводу того, является ли применяемая санкция разумной. В обществе, разделенном на слои, в значительной степени отличающиеся друг от друга, следует, вероятно, ожидать меньше согласия, чем в обществе более эгалитарным.

Одна из сторон этого взаимодействия занимает особо

сильную позицию, поскольку именно она решает, какой критерий следует применить для оценки того, является ли санкция разумной. Эта сторона может решить, что другая сторона должна получить за свое преступление больше, чем это требуется, исходя из соображений простого возмездия или задач удержания. Смертная казнь подлежит оценке не только как средство возмездия либо удержания других от совершения преступления. Соображения о спасении пропащей души воздействие с потусторонней целью могут послужить порой серьезным дополнительным основанием для принятия решения. Соответствующее обоснование может получить и пытка. Физические страдания, которые следовало бы назвать пыткой, могут причиняться также под видом терапии, что хорошо демонстрирует метод так называемой авersive терапии.

То же самое мы обнаруживаем, когда обращаемся к вопросу об использовании в качестве наказания тюремного заключения. Предполагается, что с 1840 г. до наших дней карательное воздействие одного дня в тюрьме постоянно увеличивается. Поскольку жизнь вне тюрьмы изменилась к лучшему, а физические страдания отошли в прошлое, пребывание в тюрьме становится постепенно все большим злом. Рассуждая обычным образом, не трудно прийти к выводу, что и небольшой размер этого наказания является достаточным искуплением за совершение некоторых преступлений. Однако когда перед тюремным заключением ставятся другие це-

ли, кроме простого возмездия и удержания, то это действует нейтрализующим образом.

В хорошо организованной системе юстиции тюрьмы во должны быть всего лишь заменой смертной казни в увечащих наказаний. Мало-помалу перед тюремным заключением ставится задача исправления преступника.

Тюрьма одиночного заключения в Осло (Botsfengselet) тюрьма пенсильванского типа, построенная в 50-х годах прошлого века, представляет собой яркую демонстрацию этих идей. Скоро появились и другие идеи. Заключенный должен получать не только образование, но и лечение. Правонарушителя наделяют новым статусом сначала человека невежественного, а затем больного. Все это служит дополнительными основаниями для назначения тюремного заключения и тем самым увеличивает вероятность более длительного пребывания в тюрьме. Но такие решения возможны, конечно, лишь в том случае, когда условия сделки определяет только одна из сторон. Другая сторона располагает небольшими возможностями или вообще их не имеет, чтобы избежать продления срока пребывания в заключении. По аналогии с торговлей можно сказать, что фирма, обладающая монополией на производство шоколада, отказывается снизить его цену, несмотря на падение цены соответствующего сырья, и вместо этого чтобы не выглядеть уж совсем неразумной прилагает пару карамелек к каждой плитке шоколада, продаваемого по прежней цене.

И снова открываются широкие возможности для исследования. Предполагается, что общество, разделенное на слои, в значительной степени отличающиеся друг от друга, будет меньше нуждаться в дополнительных основаниях для применения тюремного заключения, чем более эгалитарное общество. Жалобы на несправедливость менее эффективны, если жалобщик далеко. Но эгалитарное общество постоянно будет добавлять к первоначальным простым соображениям возмездия и удержания новые соображения и расширять официальные основания для назначения наказания в виде тюремного заключения, включая сюда оказание помощи, образование и лечение. На последней стадии первоначальные соображения возмездия полностью исключаются и новые, дополнительные основания для применения тюремного заключения получают значение единственных оснований. На этой стадии заключенного обычно начинают называть обитателем, тюрьму учреждением, совет по делам тюрем и попечительским советом. На этой же стадии проявляется также тенденция передавать право назначать лишение свободы учреждениям, находящимся вне судебной системы. Сравнительное изучение официальных оснований для лишения свободы в современном индустриальном обществе, вероятно, было бы весьма плодотворным.

Исходя из этого, полезно рассмотреть данные статистики. Имевшее место с 1814 по 1840 г. увеличение числа заключенных, по-видимому, свидетельствует о том, что жизнь

и физическая неприкосновенность приобрели в тот период времени такую ценность, что перестали быть объектами карательного воздействия. Затем следует новый период, в течение которого карательное воздействие одного дня в тюрьме, по всей вероятности, неуклонно возрастало. Эта последняя тенденция была, однако, нейтрализована в конце прошлого века появлением целого ряда дополнительных оснований для назначения тюремного заключения. По-видимому, нет надобности подчеркивать, что такое толкование событий требует подтверждения с помощью независимого показателя, показывающего, что жизнь и физическая неприкосновенность на протяжении рассматриваемого периода действительно поднялись в цене. Интуитивно представляется, что это должно быть так. Но следовало бы пойти дальше и собрать надежные статистические данные, касающиеся таких областей, как здравоохранение, досуг и т. п.

Глава 3. Альтернативные объяснения

Даже если согласиться с тем, что предложенное объяснение обладает интуитивной вероятностью, следует искать альтернативные объяснения. Простейшее и, следовательно, самое первое из таких объяснений состоит в том, что тенденции в изменении числа заключенных установлены неправильно или, уж во всяком случае, не имеют большого значения. Возможно, например, что иные формы лишения свободы так или иначе заменяют собой тюремное заключение. Это относится прежде всего к психиатрическим больницам и спецшколам, которые также могут использоваться как места лишения свободы. Таким образом, в любом случае сокращение числа заключенных с начала 40-х годов прошлого века могло фактически и не иметь места. Однако предварительное изучение соответствующих данных показало, что названные учреждения в тот период, о котором идет речь, не могли в сколько-нибудь значительной степени заменить собой тюрьмы.

Другое предположительное объяснение отмеченных тенденций в изменении числа заключенных состоит в том, что эти тенденции совпадают с тенденциями зарегистрированной преступности. Изменению в числе преступников соответствовало изменение в числе заключенных. Это объяснение уже подвергалось проверке, и его следует отвергнуть.

Однако в любом случае остается одна важная и сложная проблема. Не обязательно, чтобы за рассматриваемый период изменилось именно карательное воздействие, пли цепа, наказания. За этот период мог измениться сам характер преступлений с точки зрения цены объектов, на которые они посягают; она могла снизиться.

Возможно, и в этом случае было бы полезным снова обратиться к экономическим аналогиям. Экономистам уже пришлось столкнуться с подобными проблемами при анализе динамики экономических ценностей на протяжении длительного периода времени. Если вас интересует, например, определение цены лошади в течение известного отрезка времени, вы должны найти независимый показатель. В качестве такового, вероятно, можно было бы взять цену на золотые часы. Известно, что в 1750 г. цена лошади равнялась цене четырех золотых часов, а 50 лет спустя цене 8 золотых часов. Это может означать одно из двух: либо выросли в цене лошади, либо упали в цене золотые часы. Болезни лошадей могли вызвать их дефицит, а расширение возможностей для изготовления золотых часов могло привести к падению их цены, в результате чего требовалось больше золотых часов, чтобы уравновесить лошадь. Только тщательное исследование изменения цен на лошадей и на золотые часы в сопоставлении с ценами на другие предметы, включая в первую очередь, быть может, цену денег, может показать, что изменилось на самом деле.

В 1803 г. кража лошади, возможно, стоила клейма на лбу и 10 лет каторжных работ в кандалах, или, иными словами, клеймо на лбу и 10 лет каторжных работ в кандалах стоили лошади. Если, следовательно, мы сможем доказать, что в 1803 г. и в 1853 г. цепа лошади независимо от того, измерять ли ее, например, работой, часами или деньгами, была той же самой, тогда как кража лошади в 1853 г. каралась только тремя годами тюремного заключения, то это позволит утверждать, что изменилось карательное воздействие, или цена, наказания.

Но здесь криминолог оказывается в столь же трудном положении, что и многие жертвы преступлений. Мы в настоящее время не в силах определить, изменилась ли ценность объектов, на которые посягает преступление, больше она теперь или меньше, чем прежде, и в особенности намного ли она больше или меньше.

Нас ждут интересные исследовательские проекты. Однако можно, конечно, и поразмышлять. С того времени, когда мы начали располагать статистическими данными, преступность в Норвегии имеет в основном корыстный характер. В процветающей стране относительная тяжесть имущественных преступлений могла постоянно уменьшаться, в связи с чем должны были смягчаться и наказания. С другой стороны, рост материального благосостояния, по-видимому, привел к тому, что добыча корыстных преступников постоянно увеличивалась. Жертвы становились богаче, но то же са-

мое, вероятно, происходило и с ворами. Я полагаю, что все эти возможности уравнивают друг друга и поэтому преступления с точки зрения их тяжести и теперь и прежде рассматриваются примерно одинаково. Из этого следует, что изменилась не цена преступления, а цена наказания.

Глава 4. Сравнительные данные по Скандинавским странам

В подтверждение своей точки зрения, хотя такое подтверждение нельзя принимать безоговорочно, я собрал определенный материал для сравнения по трем странам, которые близки Норвегии по уровню материального благосостояния. Кроме того, две из этих стран очень близки Норвегии по тем показателям, которые должны иметь решающее значение для определения величины карательного воздействия, или цены, наказания. Третья страна в течение определенного периода была в этом отношении весьма сходна с двумя остальными, но затем стала резко от них отличаться. С этого времени в этой стране начала применяться совершенно иная шкала наказания.

Речь идет о Дании, Швеции и Финляндии. Я сопоставил данные о числе заключенных в пересчете на сто тысяч населения по каждой из названных стран, а также по Норвегии за максимально возможный период времени начиная примерно с 1810 г. Данные за первые годы, естественно, не столь достоверны, как данные за годы последующие, отчасти потому, что они базируются на результатах исследований, имевших случайный характер, отчасти из-за отсутствия уверенности в том, что действительно были учтены все лица, находящиеся в заключении, в том числе и в местных тюрьмах. По Норве-

гии данные вполне надежны с 1850 г., по Швеции с 1862 г., по Дании с 1863 г., по Финляндии с 1886 г. Я не решаюсь использовать финские данные за более ранний период, поскольку здесь имели место специфические обстоятельства: с 1826 по 1888 г. значительное число заключенных ссылалось в Сибирь. Всего за этот период в Сибирь было сослано 3236 человек. Из них 880 составляли лица, приговоренные к смертной казни, которую царь заменил на пожизненные каторжные работы в рудниках. Еще 1193 заключенных были сосланы в Сибирь по их просьбе в качестве колонистов. Такой же была судьба и 1168 осужденных за бродяжничество (В. Хьелман).

Данные по Дании за 1945–1950 гг. включают лиц, находившихся в заключении в связи с изменой; однако данные о лицах, осужденных за эти преступления, исключены. Данные о числе заключенных, учитываемых по Норвегии, не включают обе эти категории. Число заключенных в Швеции к 60-м годам нашего века было бы несколько выше, чем в Дании и Норвегии, если бы были учтены те заключенные, которые в Швеции числятся в статистике Советов по борьбе за трезвость и Советов охраны детства. Норвежские данные включают лиц, приговоренных к принудительным работам; соответствующие дела в Швеции рассматриваются Советами по воздержанию от употребления спиртных напитков и не нашли отражения в данных о числе заключенных. Вероятно, по сравнению с Норвегией в Швеции большое число детей

было направлено для исправления в специальные школы, но это также не нашло отражения в данных о числе заключенных.

Сравнение собранных данных позволяет сделать некоторые важные выводы.

С точки зрения показателя, о котором идет речь, между Норвегией, Данией и Швецией наблюдается поразительное сходство. В первой половине рассматриваемого периода число заключенных в этих странах в пересчете на сто тысяч населения почти полностью совпадает. Затем сначала Швеция, а потом Дания выходят вперед. Дания сохраняет лидерство по этому показателю вплоть до 1962 г. Уместно отметить, что в Дании и Швеции, как и в Норвегии, наблюдается резкое увеличение числа заключенных в 40–50-е годы прошлого века. Эти страны являются соседями, и величина применяемого в них наказания поразительно одинакова. Ссылка в Сибирь осужденных финнов, по всей вероятности, имела целью ответить на аналогичный рост числа заключенных в Финляндии. Предложение использовать ссылку, вероятно, было связано с теми трудностями, которые, как писал в 1893 г. В. Хельман, возникли при размещении в имеющихся в стране учреждениях тюремного типа (замках и крепостях, как они называются в современных описаниях) постоянно растущего числа лиц, заключенных пожизненно.

Теперь обратимся к стране, показатели которой существенно отличаются от соответствующих показателей Нор-

вегии, Дании и Швеции, к Финляндии. Вплоть до 1918 г. такого отличия практически не наблюдалось. Однако с 1918 г. число заключенных в Финляндии увеличилось со 100 человек в расчете на сто тысяч населения до 250 и в дальнейшем составляет 200 человек с небольшими отклонениями в ту или другую сторону, тогда как число заключенных в остальных скандинавских странах стабилизируется на довольно скромном уровне.

Нельзя предположить ничего иного, кроме того, что эти финские показатели отражают иную точку отсчета при оценке степени страдания, чем та, которой пользуются в других скандинавских странах. Если бы Финляндия имела столь высокий показатель числа заключенных на протяжении всего рассматриваемого периода, то можно было бы полагать, что неуклонно дает о себе знать другое отношение к использованию лишения свободы в качестве наказания. Но тот факт, что финские показатели до 1918 г. совпадают с показателями других скандинавских стран, делает более естественным другое предположение. Вероятно, более высокий уровень использования в виде наказания тюремного заключения является результатом отделения Финляндии от России в декабре 1917 г., кровопролитной гражданской войны, которая нанесла еще не полностью залеченные раны, а затем и двух других войн против превосходящих сил противника. Вполне разумно предположить, что это создало специфичную для Финляндии шкалу измерения страдания. Одному

году тюремного заключения в Норвегии соответствуют три года тюремного заключения в Финляндии. Сокращение числа заключенных в пересчете на сто тысяч населения, происходившее в Финляндии на протяжении последующих 20 лет, является важным показателем перемен в других сферах жизни финского общества.

Глава 5. Перспективы на будущее

Позволяет ли проведенный анализ сделать какие-либо практические выводы?

Статистические данные, во всяком случае, показывают, насколько трудно составить правильное представление о развитии событий в будущем. В 40-х годах прошлого столетия норвежский Комитет по делам тюрем обсуждал, в частности, на своих заседаниях необходимость обращения к парламенту по поводу их расписания. Заседания происходили как раз тогда, когда тело заключенных достигло своего пика. Но комитет не знал об этом и на основе данных за прошлые годы рассчитывал, что рост числа заключенных будет продолжаться. В связи с этим предлагалось создать больше тюрем, чем фактически понадобилось впоследствии.

Таким образом, прогноз того, в какой мере тюремное заключение будет использоваться как вид наказания, не может исходить из тенденций, имевших место в прошлом. Решающее значение окажет такой фактор, так изменение карательного воздействия, или цены, одного дня в тюрьме, а также наличие возможности использовать в качестве наказания какие-либо другие меры. Проведенный анализ позволяет утверждать, что не существует заранее предустановленного на любой данный момент максимума или минимума числа заключенных. Это число оставалось весьма стабильным

на протяжении последних 75–80 лет. Нет оснований ожидать особых изменений и в будущем. Однако можно выделить пять обстоятельств, которые могли бы привести к, несомненно, более ограниченному использованию такого вида наказания, как тюремное заключение.

1. В обществе, где население пользуется благами расширяющейся сферы досуга, тюремное заключение будет представляться все большим злом, его карательное воздействие, или цена, будет резко увеличиваться и, следовательно, к нему будут реже прибегать как к средству искупления преступления.

2. Все будут обеспечены минимумом материальных благ, и этот минимум будет постоянно увеличиваться. Лишение этих благ посредством штрафа или конфискации станет более приемлемым видом наказания, чем теперь, когда у многих единственная вещь, которую можно отнять, это время.

3. В век электроники появится возможность осуществлять эффективный контроль за осужденными преступниками, находящимися вне тюрем. Более дешевыми, более простыми и, по мнению многих, более гуманными заменителями тюремных стен станут радиопередатчики, прикрепленные к осужденным, радиолокаторы, телефонные аппараты, снабженные устройством для распознавания голоса, и т. п. Контроль за тем, чтобы преступник находился после осуждения в строго определенном районе, будет настолько действенным, что можно будет обойтись без тюремного заклю-

чения.

4. Государство всеобщего благоденствия сможет в будущем, не прибегая к использованию тюрем, оказывать более эффективную помощь том, то создает трудности и причиняет беспокойство общине.

5. Изучение результатов пребывания в заключении покажет, как мало оснований надеяться па то, что день пребывания в тюрьме может иметь еще какой-либо эффект, кроме чисто карательного. Дополнительные основания для применения тюремного заключения такие, как потребность в лечении, образовании и т. п., станут менее убедительными.

**Часть I. Охранники
концентрационных лагерей
Норвежские охранники
«Сербских лагерей» в Северной
Норвегии в 1942–1943 гг.
Социологическое исследование**

От редактора

В 1942 году нацисты отправили около 4,5 тысяч югославских заключенных в концентрационные лагеря в Северной Норвегии. Когда война закончилась, в живых оставалась лишь одна треть. Некоторые ужасы концентрационных лагерей стали общеизвестны. Обнаружились непостижимые вещи. Геноцид. Массовые уничтожение людей. Нацистские монстры. И не только нацистские. Охранниками в этих лагерях служили и норвежцы. Многим из них были после войны осуждены за жестокое обращение и убийство заключенных.

Как это оказалось возможным? Может быть, эти люди были психически ненормальными, монстрами? Или это результат действия ненормальных социальных систем и отноше-

ний? Нильс Кристи подробно разбирает это в своей магистерской диссертации, вышедшей в виде книги в 1952 году. Сегодня, спустя еще более полувека, ответ на эти вопросы предстает в еще более мрачных тонах.

Явления в духе Холокоста многими считаются закономерными результатами развития нашей цивилизации.

Предисловие автора к переизданию

Эту работу я написал в очень ранней молодости и хочу, чтобы она осталась такой же. Я сделал несколько сокращений и изменил некоторые слова, но ничего не добавил. У меня не было ни времени, ни желания для более значительных изменений. За прошедшие двадцать лет ничто не поколебало моей уверенности в сути этой работы, а именно, что очень большое количество людей (собственно говоря, большинство) могут совершать самые ужасные поступки в отношении других людей – в случае, когда внешняя ситуация становится достаточно экстремальной. Истинность этого утверждения была позднее подтверждена экспериментально американским психологом Стэнли Милгрэмом¹, а также много раз на практике, в том числе, массовым убийством мирных жителей вьетнамской деревни в Сонгми.

Сопротивляемость у разных людей различная. Однако перед лицом самых тяжелейших испытаний мало кому удастся сохранить обычное поведение и осознать, что своими действиями ты причиняешь вред обычным людям.

Это не означает, что все эти люди были чудовищами. В рамках данного исследования мне довелось узнать больше норвежцев, осужденных за крайние формы нечеловеческого обращения и/или убийства, чем кому

бы то ни было в Норвегии. И я осмелюсь сказать, что лишь за небольшим исключением эти люди были и остаются такими, как мы с вами.

Осознание этого подводит нас ближе к проблеме, но делает ее еще трудней.

Вопрос здесь не в том, чтобы изменить людей, которые не такие, как остальные, а в том, чтобы изменить условия и формы общения, – социальные системы, которые заставляют большинство людей проявлять экстремальное поведение. Чтобы предотвратить насилие такого типа, требуются иные формы общества, дающие людям максимальные возможности относиться к другим людям как к себе подобным.

* * *

Моя диссертация была размножена в нескольких экземплярах на ротаторе в 1952 г., и я вручил их своим друзьям и коллегам. Резюме было опубликовано в журнале *Nordisk Tidsskrift for Kriminalvidenskap*² (Норвежский журнал уголовного права). Нельзя сказать, что моя работа получила широкий отклик. За исключением прокурора Нильса Парелиуса³, которого эта проблема интересовала в силу его должностных обязанностей, я почти не получал вплоть до недавнего времени никаких отзывов – ни письменных, ни устных. И несмотря на то, что исследование есть вообще дело

одинокое, тишина вокруг именно этой работы была столь глубокой, что навела меня на размышления о том, что написанное мной просто-напросто невыносимо. Возможно, мне несмотря ни на что, удалось сказать именно то, что я хотел. Это не просто рассказ о страданиях, а рассказ о страданиях, причиненных обычными людьми. Не нацистами, не сумасшедшими и не психопатами.

Однако в самое последнее время я получаю множество писем именно по поводу этой работы. Я испытываю определенный скепсис насчет этого интереса – ведь вопросы исходят от поколения, которое отделяет от описываемых событий весьма длительный период времени. И все же я рад, что могу вновь вернуться к этой теме.

Я чрезвычайно благодарен норвежскому академику Нильсу Петтеру Гледичу за инициативу издать мою диссертацию в виде книги, а также за ценные советы по упрощению изложения. Также хочу выразить благодарность Норвежскому исследовательскому совету за подготовку работы к печати.

Нильс Кристи

Осло, апрель 1971 г.

Из авторского предисловия к первому изданию

Данное исследование предпринято по инициативе профессора Юханнеса Анденэса, он также помог мне получить доступ к необходимым источникам. Большую помощь оказали мне полиция, в особенности полицейский Клиффорд Ульсен, служба исполнения наказаний, в особенности Биргит Беркенхофф из Отдела регистрации лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности, и прокуратура, – в особенности прокурор Нильс Парелиус. Я им всем чрезвычайно благодарен.

Я хотел бы также поблагодарить многих наших собеседников, – бывших лагерных охранников за их терпение к нам и нашим многочисленным вопросам.

Я благодарен также Фонду Нансена и Норвежскому исследовательскому совету за полученную финансовую поддержку, без которой исследование было бы невозможно.

* * *

Первоначально с предложением провести такое исследование профессор Анденэс обратился к кандидату психологических наук Рагнару Кристенсену,

а Кристенсен уже обратился ко мне. Я очень рад, что мне представилась возможность принять участие в такой интересной работе⁴.

Я также хотел бы поблагодарить своих однокурсников за добрые советы, – прежде всего, Улава Скордала, в настоящее время магистра, а также преподавателей кафедры социологии. Я благодарен Вигдис Кристи за помощь в проведении интервью и обработке материала.

Осло, весна 1952 г.

Введение

Перед началом работы у нас имелись лишь неясные гипотезы относительно ее целей. Мы не питали особых надежд на то, что обычные методы криминологического исследования окажутся приемлемыми в этом чрезвычайно особом случае.

В связи с трудностями подобного рода понадобилось довольно много времени для ознакомления с материалом, чтобы составить общую картину и наметить основные направления в хаотичном наборе данных. Часть осени 1948 г. и весна 1949 г. ушли на ознакомление с уголовными делами, возбужденными против норвежских охранников, на неформальные беседы с некоторыми из них, а также на беседы с полицейскими и другими людьми, имевшими отношение к лагерям. На основании проведенной работы возник ряд предположений, которые требовалось либо подтвердить, либо опровергнуть, как это принято в социологическом исследовании. Осенью 1949 г. начались первые интервью и более систематические беседы. Весной 1950 г. была осуществлена попытка глубже проникнуть в более общие проблемы концентрационных лагерей, а весной 1951 г. мы провели интервью и систематические беседы с контрольной группой. Было бы идеально, если бы социологическое исследование, и в особенности проведение интервью, изначально базировалось на знаниях, полученных осенью 1950 г. Однако это оказалось

невозможным, так как было важно провести интервью с рядом бывших норвежских охранников, прежде чем они выйдут из заключения. Именно поэтому некоторые интервью были подготовлены недостаточно тщательно.

Изложение результатов проделанной работы разделено на девять глав. Мы предпочли начать не с охранников и их ситуации, а рассмотреть сначала феномен концентрационных лагерей в общем плане: их цели, отличие от обычных пенитенциарных учреждений, и в особенности, какие физические, а также психические последствия они имели для тех, кто туда попадал. Первая глава основывается на обширной литературе, которая отчасти была мало известна в нашей стране в то время и вообще мало систематизирована.

В следующей главе работы основное внимание уделяется сербским лагерям⁵. Мы попытались установить фактический ход событий, а также, какое воздействие эти события оказали на югославов. Далее мы попробовали показать связь между сербскими лагерями и концентрационными лагерями вообще, чтобы применить данные общего характера, изложенные в первой главе, к условиям в сербских лагерях. Сделанные выводы, вероятно, имеют право на более пристальное внимание. Поместив этот материал в начало книги, мы стремились обрисовать среду, в которой впоследствии увидим норвежских охранников. Кроме того, мы уже здесь закладываем основы для последующего описания различий и сходства в восприятии заключенных охранниками-норвеж-

цами.

Лишь после освещения условий жизни заключенных мы обращаемся к ситуации, в которой оказались охранники. Начав с изложения методов исследования, мы предпринимаем попытку разделить охранников на две группы с точки зрения заключенных, – хороших и плохих, соответственно. Мы описываем поведение охранников, показываем, как они попали на эту службу, какое давление на них оказывалось, и как действовал сам факт их пребывания в должности охранников. Мы рассматриваем различные факторы, связанные с их прошлой жизнью, различные личностные черты и, в конце концов, пытаемся сопоставить эти две группы – а иногда и представить всех охранников в совокупности – с точки зрения их отношения к заключенным и другим феноменам концлагеря.

Что касается последнего, то здесь возникает следующая проблема. Разве нельзя допустить, что существовали или существуют определенные различия в отношении охранников к заключенным, за которыми они надзирали? Может быть, мы могли бы лучше понять сам феномен концентрационных лагерей, если бы сначала посмотрели на эти лагеря глазами заключенных и нейтральных наблюдателей, затем глазами хороших охранников и, наконец, глазами «плохих»? Если бы мы взяли некий феномен, встречающийся в большинстве концлагерей, и сначала спросили бы заключенных или нейтральных наблюдателей, что он означает, а затем попросили

бы истолковать этот феномен «хороших» и «плохих» охранников, не получилось бы так, что их ответы обнаружили бы различия, которые помогли бы нам лучше понять концлагерь?

Положить начало изучению этих проблем имеет первостепенное значение, что служит главным оправданием масштаба данного исследования. Система концентрационных лагерей и относящиеся к ней систематическое уничтожение нежелательных групп населения представляют собой один из важнейших и наименее исследованных социальных феноменов двадцатого столетия. Может быть, это исследование, несмотря на его несовершенство, заставит людей понять, что с этим непременно что-то надо делать.

На семинаре, посвященном методологии социальных наук, профессор Арне Нэсс⁶ назвал три важных принципа в выборе темы исследования:

- 1) практическое значение исследования;
- 2) укрепление теоретической базы больших систем;
- 3) осуществимость исследования с помощью имеющихся в наличии средств.

Мы полагаем, что наша работа с таким блеском выдерживает испытание по первому пункту, что с остальными можно и подождать.

Глава 1. Концентрационные лагеря

В данной работе мы будем придерживаться представлений о концентрационных лагерях в том виде, к какому они существовали в Германии и на оккупированных территориях. Мы рассматриваем временной период с 1933 г., когда были созданы первые немецкие концлагеря, вплоть до весны 1945 г., когда большинство из них в одночасье прекратили свое существование. Мы не касаемся концентрационных лагерей в Советском Союзе и на территориях, впоследствии попавших в сферу его влияния, так как знаем о них слишком мало, и они не относятся к основной цели нашего исследования – изучению феномена «сербских лагерей». Мы также исключили из исследования японские концлагеря на основании тех же аргументов. Кроме того, различия в климате придают японским концлагерям несколько иной характер, нежели то, что представляет интерес с точки зрения наших целей.

Литература

О немецких концентрационных лагерях написано очень много, и охватить весь этот материал достаточно сложно. В данном исследовании мы затрагиваем лишь небольшую часть имеющейся литературы. Особый интерес для нас пред-

ставляют работы, в которых концлагеря рассматриваются с социологической и психологической точки зрения. Мы попытались сопоставить сведения, почерпнутые из этих работ, с личными воспоминаниями людей, переживших концлагерь. В основном мы используем материал, полученный от бывших заключенных, судей или нейтральных наблюдателей, но не охранников. Описание источников дается в Приложении.

В самом конце книги приводится полный список использованной литературы.

Цели создателей концлагерей

Если попытаться очень поверхностно воссоздать мотивы руководителей высшего звена СС, то цели концентрационных лагерей и лагерей военнопленных типа концлагерей можно сформулировать по пяти направлениям:

1. Лагеря должны были способствовать нейтрализации или уничтожению нежелательных индивидов или народностей. Если не считать отдельных лозунгов и заявлений типа «труд освобождает», их «воспитательная цель» не просматривается или не кажется доминирующей.

2. Лагеря должны были иметь общее предупреждающее воздействие, наводя ужас на немецкое население и в особенности на население оккупированных территорий.

Некоторые цитаты из приговоров Нюрнбергского трибу-

нала иллюстрируют оба этих пункта.

Управление на территориях, оккупированных Германией, производилось в нарушение правил ведения войны. Подавляющие своей убедительностью доказательства говорят о существовании системы насилия, зверств и террора. 7 сентября 1941 г. Гитлер издал директиву, которая впоследствии получила известность под названием «Нахт унд небель эрлас» (приказ «Мрак и туман»); согласно этому приказу, лица, совершившие действия, направленные против империи или германских войск на оккупированных территориях, за исключением тех случаев, когда данное лицо вне всякого сомнения должно было быть подвергнуто смертной казни, подлежали тайному увозу в Германию и передаче в руки Зипо и СД⁷ для суда над ними и наказания их в Германии. Этот приказ был подписан подсудимым Кейтелем. После того, как эти гражданские лица привозились в Германию, ни одно слово о них не должно было доходить до страны, откуда они были вывезены, или до их родственников; даже в тех случаях, когда они умирали в ожидании суда, их семьям не сообщалось об их судьбе; это делалось с целью вызвать беспокойство у семей арестованных лиц. Подсудимый Кейтель в сопроводительном письме, датированном 12 декабря 1941 г., следующим образом изложил те цели, которыми руководствовался Гитлер при издании этого приказа: «Эффективное и продолжительное устрашение может быть достигнуто либо суровым наказанием, либо путем проведения мероприятий, при

которых родственники преступников и остальное население остаются в неведении относительно судьбы этих преступников. Эта цель достигается при увозе преступников в Германию»⁸.

3. Лагеря составляли важную часть экономической основы эсэсовского государства.

Расходы на одного заключенного были незначительны, а использование рабочей силы практически неограничено. Так, важная в военном отношении работа стоила немного.

4 октября 1943 г. Гиммлер, говоря в Познани о русских военнопленных, захваченных в первые дни войны, сказал следующее:

«В то время мы не ценили массы людей так, как мы ценим их сейчас, – как сырье, как рабочую силу. То, о чем в конечном счете с точки зрения будущих поколений нам будет нечего жалеть, в настоящее время должно вызывать сожаление, что пленные умирали от истощения и голода, и из-за этого происходила потеря рабочей силы»⁹.

4. Лагеря служили центрами обучения для молодых эсэсовцев.

«Начиная с 1934 года, СС несли ответственность за охрану концентрационных лагерей и управление ими. Представленные доказательства не оставляют сомнения в том, что постоянное зверское обращение с заключенными концентрационных лагерей являлось результатом общей политики, проводимой СС и состоявшей в том, что заключенные лаге-

рей рассматривались как представители низших рас, на которых следовало смотреть с презрением. Имеются доказательства того, что в тех случаях, когда это позволял наличный состав членов СС, Гиммлер стремился к тому, чтобы состав охраны батальонов постоянно сменялся с тем, чтобы все члены СС прошли инструктаж по поводу тех методов, которые необходимо применять по отношению к представителям низших рас»¹⁰.

«В серии речей, произнесенных в 1943 году, Гиммлер выражает свою гордость по поводу способности СС проводить эти преступные мероприятия. Он побуждал своих подчиненных быть „грубыми и безжалостными“; говоря о расстреле „тысяч видных поляков“, он благодарил членов организации за оказанное ими содействие и за отсутствие с их стороны слабости при виде сотен и тысяч трупов их жертв. Он превозносил безжалостность при истреблении еврейской расы, истреблении, которое было названо им впоследствии процессом „санобработки“. Из этих речей явствует, что общие настроения, преобладающие внутри СС, соответствовали тем преступным деяниям, которые совершались этой организацией»¹¹.

5. Лагеря поставляли также человеческий материал для медицинских экспериментов.

Отличие от тюрем

Существуют четыре основных отличия концентрационных лагерей от тюрем в том значении этого слова, какое мы употребляем в Норвегии, когда говорим, к примеру, об окружной тюрьме.

1) Большинство заключенных отправлялись в концентрационные лагеря без судебной процедуры или приговора. В лагерях они были полностью лишены всяких прав и отданы во власть лагерного руководства, охранников или нелагерных властей. Жестокое обращение – без причины или за малейшую провинность – было в порядке вещей. То же самое относилось к ликвидации больных заключенных, в которых не было надобности или для которых не было места, а также к использованию заключенных для экспериментов.

Так, в правилах об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях, говорилось следующее:

«Неподчинение, активное или пассивное сопротивление должны быть сломлены немедленно силой оружия (штыки, приклады и огнестрельное оружие)... Каждый, кто при проведении этого приказа не прибегнет к своему оружию или сделает это недостаточно энергично, подлежит наказанию... В военнопленных, пытавшихся бежать, следует стрелять без предварительного оклика. Никогда не следует делать предупреждающего выстрела. Использование оружия

против советских военнопленных является, как правило, законным»¹².

17 июля 1941 г. гестапо издало приказ, предусматривавший убийство всех советских военнопленных, которые были или могли быть опасны для национал-социализма.

Приказ гласил:

«Задачей командиров Зипо и СД, находящихся в шталагах¹³, является политическая проверка всех заключенных лагеря, устранение и дальнейшая „обработка“: а) всех политически преступных или по каким-либо другим причинам нежелательных элементов, находящихся среди них; б) всех лиц, которые могут быть использованы для восстановления оккупированных территорий... Далее, эти командиры должны с самого начала приложить усилия для выявления среди заключенных тех элементов, которые кажутся надежными, независимо от того, являются ли они коммунистами или нет, для того чтобы использовать их в целях разведки внутри самого лагеря или, если это окажется целесообразным, позднее также на оккупированных территориях. Путем использования таких информаторов и путем использования всех других существующих возможностей должно продолжаться шаг за шагом обнаружение всех элементов среди заключенных, которые должны быть уничтожены...¹⁴»

В лагерях царило полное бесправие по сравнению с общей ситуацией в Норвегии в мирное время.

2) Узников помещали в концентрационные лагеря на неопределенное время, и они находились в полном неведении относительно своей будущей судьбы.

3) Кроме вышеупомянутого жестокого обращения, узники испытывали чрезвычайные физические и психические страдания, и смертность среди них была очень высокой. Из-за большой продолжительности рабочего дня и переключек оставалось часто не более шести часов на сон в переполненных бараках.

«Гигиеническое состояние было ужасным повсюду», – говорится в датском исследовании истощения и его последствий. – «Речь идет о состоянии туалетов, уборке помещений, как общих, так и индивидуальных... Пища часто была испорченной или загрязненной... В основном лагерная еда состояла из супа из корнеплодов и бутерброда из грубого ржаного хлеба с примесью соломы с маленьким кусочком маргарина и колбасы. Пища содержала в среднем около 1000 калорий и 30 г протеина (из них только 2 г животного протеина). В санчасти не было даже самого необходимого для оказания медицинской помощи – ни лекарств, ни инструментов, ни перевязочных материалов, ни коек, ни персонала. К этому следует добавить абсурдную точку зрения руководства СС на болезнь как саботаж против труда в концлагере»¹⁵.

Организация лагерей носила особый характер. Сформулированные выше «цели концентрационных лагерей» оказывали воздействие, как на заключенных, так и на охранников.

а) на **ОХРАННИКОВ**: в силу возложенных на них задач у них складывались более дистанцированные отношения с заключенными, чем в норвежских тюрьмах в мирное время. Их главная задача состояла не в руководстве рабочим процессом или подаче примера для заключенных, а том, чтобы заставить их как можно больше работать. Этому способствовала также огромная численность узников.

Охранники в концлагерях держались в стороне от общей массы заключенных и старались иметь прикрытый тыл. Система охраны и администрации имела авторитарную организацию.

б) на **ЗАКЛЮЧЕННЫХ**: ряд вышеупомянутых моментов и «цели концлагеря» способствовали упрочению внутреннего самоуправления в лагере. Почти везде заключенные имели лагерный актив – старшего надзирателя, старшего по кухне, по санчасти, старшего каждого барака, бригадиров рабочих отрядов, начальников лагерной полиции и т. д. Такая специфическая организация немцами лагеря открывает интересные перспективы и вполне могла бы стать темой отдельного социологического исследования.

Возникает вопрос о том, какое воздействие такая система оказывала на заключенных. Мы попытаемся сначала воссоздать физические последствия, а затем более подробно остановимся на последствиях психологических.

Смертность

Ойген Когон¹⁶ в своей книге пытается определить примерное число погибших в немецких концентрационных лагерях. С рядом оговорок на невозможность установить точное число погибших, он приходит к выводу, что их минимальное число составляет около семи миллионов 125 тысяч человек¹⁷. Как полагает Когон, около 200 тысяч погибло еще до войны, а остальные – во время войны. До войны уровень смертности в обычных лагерях составлял примерно 10 %, а концу войны вырос до 35–40 % в лагерях среднего типа. В лагерях уничтожения, таких как Освенцим, уровень смертности был, разумеется, гораздо выше.

Одд Хансен и Тим Грехе пишут по этому поводу следующее:

«Во время Нюрнбергского процесса были приведены цифры, показывающие, что в концентрационных лагерях в Германии побывало, по меньшей мере, 19 миллионов человек. Около 12 миллионов – людей всех национальностей и народностей – погибли в газовых камерах, были расстреляны, повешены или умерщвлены иным способом. Позднее французская правительственная комиссия пришла к выводу о том, что погибло 26 миллионов заключенных, однако это количество представляется завышенным»¹⁸.

В датском исследовании истощения и его последствий подсчитана смертность среди датчан в концентрационных лагерях. Следует, однако, учитывать, что датчане, наряду с норвежцами, находились в лагере на привилегированном положении и имели больше шансов выжить, чем остальные. Немцы считали их «арийцами» и относились к ним поэтому гораздо лучше, а самое важное, большинство из них получали посылки от Красного Креста и из дома. Авторы пишут по этому поводу следующее:

«Смертность в лагерях была различной, в зависимости от условий содержания и в особенности от питания. Для датчан она является в некотором смысле показателем степени достаточности питания. Для шести тысяч датчан, отправленных в Германию по различным причинам и пробывших там различные сроки, смертность составила в целом 10 %...

В лагерях типа Порта и Хусум, куда не поступали посылки, а продолжительность содержания составляла всего семь месяцев, смертность достигала соответственно 44 и 25 %. В лагере Заксенхаузен смертность была только 3 %, несмотря на более длительный период пребывания – 10–18 месяцев. Большое значение имели также виды работ: в лагерях Порта и Хусум работы были тяжелыми. В трудовых колониях с таким же питанием, но с более легкой работой смертность составляла всего 3 %. Смертность полицейских в возрастной группе 21–30 лет составляла 3 %, в группе от 31–45 лет – 5 %, а старше 45 лет – 9 %. При более суровых условиях

содержания эти цифры составляли соответственно 14, 31 и 43 %.

Что касается причин смерти, то по приблизительным данным, около одной трети людей умерло просто от голода и истощения без осложнений, еще одна треть – от голода и туберкулеза легких, и одна треть – от прочих инфекционных осложнений истощения и голода»¹⁹.

Болезни

В данном исследовании мы не делаем попытки дать медицинское описание болезней, преобладающих в концлагерях. Гораздо важнее проследить, какое воздействие эти болезни оказывали на внешний вид и поведение заключенных. Нас интересует картина, представавшая перед глазами охранников, так как позднее мы познакомимся с их версией событий.

Четыре фактора приводили к частым случаям заболеваний среди заключенных. Прежде всего, это недоедание и перенапряжение. Далее большое значение имели антисанитарные условия, температура воздуха и жестокое обращение.

НЕДОЕДАНИЕ приводило, прежде всего, к сильной потере веса. Четвертая часть выживших датских политических заключенных весили менее 45 кг²⁰. Снижение веса объяснялось скорее условиями содержания в различных лагерях, нежели продолжительностью нахождения там. Исхудав-

ние было в некоторой степени скрыто или не так заметно по причине голодных отеков, то есть накопления жидкости в тканевых щелях, ведущее к их увеличению и опуханию ткани. Этим страдали 36 % выживших датских политических заключенных.

Другой результат недоедания – так называемая диарея от голода, а также частое и сильное мочеиспускание. Пища в лагере была чаще всего жидкая, а кроме того, заключенные пили много воды, чтобы заглушить чувство голода. 78 % датских заключенных концлагерей страдали от диареи во время пребывания в лагере²¹.

«Несмотря на плохие гигиенические условия, диарею в большинстве случаев следует рассматривать как симптом истощения, а не его инфекционное осложнение», – говорится в датском исследовании. И далее: «Диарея от голода появлялась эндемически. Более „привелигированные“ заключенные, получавшие лучшее питание и жившие в „райских“ условиях, обычно не заражались. Чаще всего симптомы наступали постепенно, среди политических заключенных через один-два месяца недоедания... Число испражнений составляло в легких случаях от 5–10 в день, а в тяжелых случаях опорожнение кишечника происходило практически непрерывно...»²².

«Человек-скелет», или «доходяга», известный нам из большинства описаний концлагерей, находится на последней стадии недоедания. В датском исследовании о нем гово-

рится следующее:

«Конечный результат истощения при данных условиях – это взрослый человек весом 35–40 кг, исхудавший до состояния скелета. У людей, дошедших до такого состояния, возрастные границы стираются. Недостача калорий и протеина поражает в равной степени мускулатуру и кожу. Кожа становится неэластичной, сухой и серой. Малейшие повреждения нагнаиваются. Волосы и ногти почти не растут. Губы и полость рта становятся сухими и покрываются струпьями, однако без признаков авитаминоза.

Характерные черты такого человека – сутулость и адинамия (полный упадок сил), его движения – пока он еще может двигаться – характеризуются брадикинезией (замедленность движений). Он ходит медленно, с опущенной головой и согнутыми коленями, волочит ноги и спотыкается на неровностях поверхности. Часто он без всякой на то причины останавливается, роняет предметы. На линейке он валится с ног. Апатия, как уже говорилось, первый признак наступления стадии человека-скелета...

Известно, что выжили 80 политических заключенных (14 %), достигших стадии человека-скелета со всеми ярко выраженными признаками: emaciato (кахексия или исхудание), адинамия (упадок сил) и апатия... Исхудание не является решающим фактором для данного диагноза. Определяющие факторы – потеря сил и в особенности апатия. Для достижения этой стадии достаточно и трех месяцев... Причем

большее значение, как и для всех видов недоедания, имеет характер заключения, нежели его продолжительность... В какой-то момент – как правило, внезапно, – человек перестает есть и пить. Диарея продолжается и приводит к прогрессирующей дегидрогенизации, все более заметному день от дня спадению отеков и обнаружению реальной потери веса. Эта конечная стадия человека-скелета есть выражение освобождения в последний момент жизни»²³.

САНИТАРНЫЕ УСЛОВИЯ во многом способствовали ухудшению положения заключенных. И если ослабление организма в результате недоедания приводило к разрушению сопротивляемости, то отсутствие гигиены нередко способствовало заражению в местах мелких порезов и царапин.

«Наши мучения начались очень скоро», пишет Лисе Бёрсум. «Прежде всего, мы стерли себе ноги деревянными башмаками, на ногах образовались ранки, в которые проникала инфекция. Любая ссадина или царапина на пальцах кончалась воспалением... У Сулу и у меня было множество воспалений, у каждой из нас был кусочек бинта, который мы стирали каждый вечер и в мокром виде снова завязывали»²⁴.

Все очень страдали от вшей. Вот что пишет Лисе Бёрсум: «Из-за множества блох мы не сразу осознали, что стали также и жертвами вшей. Как-то в воскресенье к нам зашла Ракель, встала в прачечной и начала проверять нас на наличие вшей. Большинство согласилось на проверку. На мне в тот день был красивый белый шерстяной свитер. В этом сви-

тере она нашла семерых... В тот же вечер я нашла в том же свитере еще шесть штук... Постепенно поиск вшей стал для нас важнее мытья и занимал почти все свободное время... Нам, обитавшим в третьем бараке, найти вшей было нетрудно, так как у нас была лампочка. Затем к нам стали заходить соседи, и каждый вечер у нас собиралось небольшое общество искателей вшей. Пока мы ели, вокруг нас сидели раздетые догола женщины и обыскивали свою одежду... А еще нам досаждала сильная чесотка, которая появлялась у всех рано или поздно... Болячки были общими. Начинались абсцессы. У Ингрид и Мари постоянно возникали большие нарывы. Мы даже думали, что это зараза, потому что они спали в одной постели. У Астрид вскоре появились ужасные раны на ногах...»²⁵.

В датском исследовании о тех же болячках написано следующее:

«Отсутствие гигиены и частые травмы приводили к многочисленным кожным инфекциям, прежде всего на месте укусов паразитов, ранок от плохой обуви и инфекционным нагноениям. Так, в лагере Хусум из тысячи содержащихся там заключенных в ноябре 1944 г. не менее 470 „лечились“ от различных ран, причем у 242 из них были абсцессы или флегмоны (гнойные нарывы)... Флегмоны в значительной степени способствовали повышению смертности в концлагерях. Они редко вызывали температуру или метастазы, затрагивали в основном нижние конечности, распространяясь от

ран на подошве вверх по отечной ткани, и часто охватывали всю ногу. При разрезе вытекало несколько литров отечной жидкости. Половина больных, выживших после флегмоны, одновременно имели также и ярко выраженные отеки»²⁶.

Встречался и ряд других инфекционных заболеваний. Так, 13 % заключенных датчан заболели желтухой, и у многих была скарлатина. Эпидемии сыпного тифа унесли жизни огромного количества заключенных. Из 60 тысяч заключенных лагеря Дахау в период с января по март 1945 г. умерло 11 300. Как следует из датского исследования, 75 % из них умерло от сыпного тифа²⁷.

ТЕМПЕРАТУРНЫЕ УСЛОВИЯ. Этот фактор зависел от места расположения лагеря. В некоторых местах жара и недостаток воды в значительной степени усиливали страдания заключенных. В других местах наибольшую опасность представляли холод и заморозки. Тысячи заключенных заморозили насмерть во время многочисленных перевозок.

ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ. В качестве иллюстрации приведем отрывок из дневника Одда Нансена, датированный 12.2.1945 г.:

«Но самое страшное было то, что беспрестанно на них обрушивались удары резиновых дубинок. Молодые парни SAW²⁸ колотили их изо всех сил. Кровоточили лицо, руки, ноги. Большинство заключенных были босые, одеты в отрепья, а сквозь дыры в одежде просвечивали тяжелые раны от

ударов... Жертвы побоев валялись на землю десятками, однако нацистских молодчиков это лишь вдохновляло, и они продолжали колотить лежащих и пинать их ногами. У заключенных кровь лилась изо рта, из ран и ушей»²⁹.

Психическое воздействие

Арест и пребывание в концлагере воздействовали и на психику заключенных. Для наших целей упомянем и проанализируем лишь наиболее «видные» и «заметные» изменения. Анализ проведем с нескольких точек зрения. Мы посмотрим, как заключенные реагировали на различной степени тяжести истязания и экстремальные ситуации, рассмотрим отдельные психические изменения, которые были характерны, по-видимому, для большинства узников концлагерей, а также попытаемся проследить, как реагировали на события заключенные из разных мест и с различной биографией. В самом конце рассмотрим психическое воздействие на человека в стадии человека-скелета. Все эти процессы, разумеется, тесно связаны, и материал разделяется нами на различные категории лишь с целью анализа.

Трагедия и обыденность

Бруно Беттельгейм отмечает и основательно исследует од-

но своеобразное различие в реакции заключенных на различные степени издевательств или экстремальные ситуации. Создается впечатление, что заключенные гораздо больше возмущались и даже приходили в ярость от довольно незначительных оскорблений, чем от серьезных истязаний и совершенно экстремальных ситуаций, как например, массовые казни. Охранник, давший оплеуху заключенному, ударивший или обругавший его, вызывал большую ненависть, чем охранник, нанесший ему тяжелую рану, подчеркивает Беттельгейм. Об этом свидетельствуют также и сны:

«У многих агрессия против гестаповцев находит свое выражение в снах, когда заключенный во сне мстит им. Интересно отметить, что причиной мести заключенного – если оказывалось возможным найти определенную причину, – чаще всего было какое-то маленькое издевательство и никогда не чрезвычайное переживание. Автор записей... с удивлением обнаружил, что наиболее шокирующий опыт не попал в сны. Он спрашивал многих заключенных, не снился ли им транспорт, и не оказалось ни одного, кому это приснилось. Отдельные гестаповцы, совершившие незначительные прегрешения, вызывали гораздо более глубокую и сильную агрессию, чем те из них, кто проявил особую жестокость»³⁰.

Причина такой различной реакции на трагичные и обычные события заключается, по мнению Беттельгейма, в следующем: События, которые могли бы вписаться в нормальный опыт заключенных, то есть в их прежний жизненный

опыт, вызывали обычную, вполне нормальную реакцию. На эти события они реагировали так же, как бы сделали это в своей жизни на свободе. Когда же событие полностью выходило за рамки их прежнего жизненного опыта, то есть было не только более оскорбительным, а чем-то совершенно новым и немыслимым, то заключенные реагировали по-иному.

Нам нет необходимости размышлять о том, правильно ли Беттельгейм объясняет причину различной реакции. Для нас важно само указание на различия в реакции, а верно ли его объяснение, не имеет значения. Следует отметить, что, согласно Беттельгейму, после длительного пребывания в концлагере разница в реакции исчезала.

Инфантильность

Долговременное пребывание в концентрационном лагере вызывало, очевидно, у очень многих заключенных регрессию к более инфантильному поведению. Здесь Бруно Беттельгейм использует тот же самый принцип для объяснения, как и выше – с заключенными обходились как с детьми, и поэтому они возвращались к инфантильной реакции. Однако и здесь важно изложить само наблюдение:

«Уже указывалось на то, что даже во время транспорта заключенных мучали так же, как жестокий и деспотичный отец мог бы мучить беспомощного ребенка. Следует также добавить, что заключенных подвергали унижению с помо-

щью методов, характерных для ситуаций с детьми. Зачастую им ничего больше не оставалось, как наделать в штаны. В лагере процесс испражнения и мочеиспускания строго регулировался. Этот процесс был одним из важнейших событий и довольно подробно дискутировался. Если кому-то из заключенных надо было в туалет в течение дня, они должны были спрашивать разрешения охранника. Создавалось впечатление, что обучение правилам туалетной гигиены повторяется еще раз. Видимо, охранники забавлялись и упивались своей властью давать или не давать разрешение на посещение уборной... Заключенные жили, как дети, в моментальном настоящем. Они как бы не ощущали хода времени и не были в состоянии планировать свое будущее. Они не могли отказаться от моментального удовлетворения потребностей, чтобы получить более сильное удовлетворение позднее. Они были не в состоянии устанавливать продолжительные отношения. Дружба возникала так же быстро, как и исчезала. Подобно подросткам, заключенные дрались друг с другом, говорили, что больше не хотят видеть друг друга или разговаривать друг с другом, а через минуту вновь были закадычными друзьями. Они хвастались, рассказывали истории о своих достижениях в прежней жизни, о том, как им удалось обмануть начальников или охранников, или как они прогуливали работу. Подобно детям, они нисколько не стыдились, когда оказывалось, что они соврали о своих подвигах»³¹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.